

Содержание

М. Немцов.

И НЕ ПЫТАЙТЕСЬ... ПОПЫТКА

7

ПОЧТАМТ

(Перевод *М. Немцова*)

43

ЖЕНЩИНЫ

(Перевод *М. Немцова*)

219

МАКУЛАТУРА

(Перевод *В. Голышева*)

597

И НЕ ПЫТАЙТЕСЬ...

ПОПЫТКА

В издании справочника «Кто есть кто в Америке» 1992 года статья о Чарльзе Буковски занимает 29 строк. «*Буковски, Чарльз*. Автор. Род. в Андернахе, Гер., 16 авг. 1920. Переехал в США, 1923. Ж. Линда Бейгл; 1 ребенок, Марина-Луиза, от брака с Барбарой Фрай, 1955. Студент, Городской колледж Лос-Анджелеса, 1939 — 41... Получил стипендию Национального фонда поощрения искусств, 1974. Лауреат премии издательства «Луджон Пресс»...» А дальше, очень мелким шрифтом — названия книг: стихи, сборники рассказов, романы, киносценарии, редакторские работы, — закадровые повествования в фильмах о нем, фильмы, снятые по его книгам, магнитные записи... И в самом конце, там, где у его соседей по странице, уважаемого цветовода и педагога Мартина Джона Буковача и достойного физиотерапевта Элен-Луизы Буковски, значатся подробнейшие домашние и рабочие адреса и контактные телефоны, курсивом набрано только два слова: *Не пытайтесь*.

* * *

Описывать, загонять в рамки, присваивать Чарльза Буковски или навещать его дом пытались многие. И будут еще пытаться, поверьте: он стал моден, а соблазн побыть причастным к настоящей литературе, хоть и

посмертно, очень силен (здесь, наверное, и я не исключение). Фигура литературного культа, противоречивый и неуживчивый, сварливый и вздорный, он мифически мудр для поклонников своего обильно орошенного бухлом просторечия, однако изводяще «нелитературен» для многих академиков.

В 1966 году преданный издатель Буковски Джон Мартин основал в Санта-Розе, штат Калифорния, издательство «Блэк Спэрроу» только для того, чтобы предоставить голос тоскливым размышлениям автора, публиковать его плохо замаскированные автобиографические наброски, житейские истории, нелюбимые наблюдения и нарочито некрасивые стихи. В 1993 году Мартин составил последнюю прижизненную антологию Буковски «Гонки с загнанными» (*Run With The Hunted*). Весь опубликованный «Блэк Спэрроу» поэтический и прозаический материал (и в этом — очарование книги, хотя в антологию не вошли такие жемчужины, как «Заметки старого козла» (*Notes of a Dirty Old Man*, 1969) или «Первая красotka в городе» (*The Most Beautiful Woman in Town*, 1967–83) расположен в грубо хронологическом порядке — от первых воспоминаний карапуза к «крепости заднего ума» старого прожженного циника. Результатом стало появление некоего смутного мемуара — ведь для последователей жизнь автора в высшей степени неотделима от его работы. Буковски-автор не единожды за свою жизнь призывал на помощь «второе «я» — Генри Чинаски (друзья называют его Хэнком), вытаскивавшего на страницы книг семь десятилетий битв своего создателя: со шрамами от прыщей, с барменами, шлюхами, тотализатором на скачках. Великое множество унылых историй Буковски — как вечное сражение черного юмора с убожеством жизни, как память о бесконечной череде ударов тупыми предметами по голове, о провалившихся вылазках из захлавленной писатель-

ской конуры в мир работяг, шабашников и почтовых крыс.

«По большей части, свою писанину я кропаю, когда пьян, — объявляет один его персонаж. — А трезвый я — просто экспедитор, да и то не очень добросовестный».

«Абсурд у Буковски обволакивает каждый факт жизни липким сиропом, пока чаяния человечества не низводятся до смешного, — писал критик Джеймс Салливан в новоорлеанской газете «Таймс-Пикайон». — Ни бедность, ни убожество не прославляются. Они просто есть».

ногти; ноздри; шнурки
не очень хорошая ночь в Сан-Педро этого мира

Видимо, такая зацикленность на бытии и объясняет успех писателя за пределами Америки. Кажущаяся плоскость повествования легко переводится на другие языки — и остается лишь на поверхности. Смесь хорошо натренированной отточенности стиля и монотонного, полупьяного внутреннего голоса, постоянно возвращающегося к началу высказывания, настойчивого, подчеркивающего нечто очень важное, убеждающего в правоте мыслей и поступков хозяина, — не знаю, насколько легко воссоздать это на немецком или итальянском, где терпимость языка значительно выше, чем в русском. И в Германии, и в Италии, кстати, этот экзистенциальный распад повествования возводил Буковски на вершины списков бестселлеров неоднократно. Не думаю, что в России это с его книгами смогут сделать аскетичность, лапидарность и незакомплексованность языковыми условностями. Простое всегда воспринимается — как и переводится — сложнее.

Он презирал липу и претенциозность на любом уровне языка и инстинктивно ежился даже от чересчур вычурного или «литературного» словоупотребления. Стиль его прост и прямолинеен: фразы в основном корот-

кие и целенаправленные, никаких метафор, аллюзий, никаких «приемчиков». Как и Хемингуэй, с которым его изредка сравнивали, он предпочитал простые прилагательные; слова и абзацы должны быть короткими и по делу.

«Самое трудное в письме, — говорил он, объясняя особенности своего телеграфного стиля, — сесть на стул перед машинкой. Как только вы это сделали, начинается кино. Стоит мне сесть, нет никакого плана, никаких усилий, никакого труда. Как будто машинка делает это все сама. Пишешь как в транс... Слова иногда выходят как кровь, а иногда — как вино... Шаг, ритм, танец, быстрота — все это современный век. Атомные бомбы висят на деревьях, как грейпфруты. Я люблю говорить то, что должен сказать, и отваливать».

Но голос Буковски... голос звучит, заставляя читателя тыкаться носом в страницу в поисках того чуда, что заставило звучать черные знаки на плоском листе бумаги, — в изумлении или же в негодовании: как только могли такое напечатать?.. Иногда Буковски называют битником, иногда — натуралистом, но писал он так, будто был водопроводчиком. Для него задача воссоздать сцену сводилась к экономному использованию как можно более короткого колена. Слова для него — гайки, болты и втулки, и украшать их или же описывать уже написанное автором — все равно что наносить простым карандашом метки на проржавевшую канализационную трубу. Сам автор говорил: «Утверждать, будто я — поэт, значит помещать меня в компанию версификаторов, неоновых гурманов, придурков, лохов и мерзавцев, маскирующихся под мудрецов».

Именно поэтому я не могу отказать себе в удовольствии привести здесь развернутую цитату — автобиографию Хэнка, написанную в 1975 году для биобиблиографического словаря Джона Уэйкмена «Писатели мира». Итак, Хэнк — своими словами:

«Я родился в Андернахе, Германия. Мой отец служил в Оккупационной Армии, а моя мать — урожденная немка. В Америку меня привезли, когда мне было два года. Вскоре мы переехали в Лос-Анджелес, где я и прожил большую часть жизни. В основном учился я всему сам, хотя мое образование и включает в себя два года в Городском колледже Лос-Анджелеса. Вскоре после я начал скитаться по стране, перебиваясь случайными заработками: работал уборщиком, служителем автозаправки, охранником, посудомоем, экспедитором, складским служащим, приемщиком, нарядчиком, водителем грузовика, почтальоном, кладовщиком, почтовым клерком, служителем на автостоянке. Еще я трудился на фабрике собачьих бисквитов, фабрике флюоресцентных ламп, на бойне, был членом железнодорожной ремонтной бригады, а также работал на американский Красный Крест. Я видел большинство городов и работал примерно в сотне мест. В основном голодал, пытаясь писать, ограничивал себя одним шоколадным батончиком в день, и сочинял по четыре-пять рассказов в неделю. Часто у меня не было машинки, и почти все я писал от руки печатными буквами и рассылал в «Атлантик Мансли», «Харперз» и «Нью-Йоркер». Все рассказы возвращались.

Наконец, когда мне исполнилось двадцать четыре, мой рассказ был принят журналом Уита Бёрнетта «Стори». Второй принял «Портфолио» Карессы Кросби. Я запил больше обычного — бросил писать и просто пил. Так продолжалось десять лет; все это время я жил с несколькими женщинами, такими же отчаявшимися, как и я. Все закончилось серией обширных кровотечений, и я оказался в благотворительной палате Окружной больницы Лос-Анджелеса. После того, как меня по ошибке засунули в подземное хранилище («он лежал внизу, а его бумаги передавали над ним сверху»), мне перелили двенадцать пинт крови и двена-

дцать пинт глюкозы. Я отказался от операции, которая, говорили, мне была необходима, иначе я не выживу. Еще мне сказали, что, если я выпью еще хоть раз, непременно умру. Соврали мне дважды.

Выйдя из больницы, я умудрился найти себе работу и квартиру. Каждый вечер возвращался домой с работы, выпивал огромные количества пива и принимался писать стихи. За две недели я написал шестьдесят стихотворений — и не имел ни малейшего понятия, что мне с ними делать дальше. Я нашел список поэтических журналов, один печатался в Уилере, штат Техас. Ага, подумал я, там, в стареньком, оплетенном лианами домике, живет старушка, выращивает канареек; от этих стихов ее счетчик паники зашкалит. Я кинул пакет в почтовый ящик и забыл про них. Обратное я получил очень толстое письмо, в котором объявлялось, что я — «гений». Звучало нормально. Я ответил. Номер журнала («Арлекин») целиком был отдан моей работе. Мы продолжали переписываться. Она приехала меня навестить. Довольно привлекательная светловолосая деваха. Мы поженились и отправились в Техас, где выяснилось, что она — миллионерша. Брак наш длился два с половиной года.

Я продолжал писать, мне везло. Я даже вернулся к жанру рассказа, довольно большое их количество напечатал в «Эвергрин Ревью»; вышли мои книги стихов — примерно по одной в год в разных местах, основные — издания «Луджон Пресс». Я начал вести колонку «Заметки старого козла», которую стала печатать подпольная газета «Оупен Сити», а позже подхватила «Нола Экспресс» и лос-анджелесская газета «Фри Пресс». Рассказы также начали выходить в форме книг в издательствах «Блэк Спэрроу» и «Сити Лайтс». Я бросил работу в пятьдесят лет (в смысле, работу на дядю) и написал свой первый роман «Почтамт» — за двадцать ночей, истратив двадцать пинт виски, тридцать пять

упаковок пива и восемьдесят сигар. «Блэк Спэрроу» его опубликовали. С тех пор я пишу и живу этим. Джон Мартин из «Блэк Спэрроу» здорово мне помог. Он пообещал мне 100 долларов в месяц на весь остаток жизни, вне зависимости от того, буду я писать или нет. Какому еще писателю так повезло в жизни?

Мне не особо нравится литература прошедших веков; я нахожу ее очень уравновешенной и чопорной, в определенных изолированных случаях она очень близка к фальши. Это помогло мне за ней следить. Мне нравились «Путешествие на край ночи» Селина, Вийон, Неруда, ранний Хемингуэй, Сэлинджер, весь Кнут Гамсун, Федор Дос и, пожалуй, всё. Мне и до сих пор немного нравится. Я по-прежнему пишу, в основном — для себя и вряд ли за большие деньги; как раз так, как и должно. Раз или два в неделю я люблю играть на беггах, мне нравится классическая музыка, пиво, я романтик, слизняк, мне нравится бокс, и одна-две женщины, которых я знал, возносили меня гораздо выше крыш.

В разделе «Работы о», прошу прощения, было какое-то количество рецензий, статей, книга и библиография, но все это лежит в шкафу вот за этой стенкой, и если я зайду туда и попытаюсь раскопать их все, вспотею и стану очень несчастным, а я знаю, что вам этого не хочется. Благодарю вас, и простите за машинопись и орфографические ошибки; меня это никогда особенно не интересовало».

* * *

По воспоминаниям современников (но даже приведенным здесь портретам не удастся ухватить изменчивую суть этого лукавого лица — быть может, это получилось лишь у фотографа и давнего друга Михаэля Монтфорта, с которым Хэнк выпустил книгу путевых заметок «Шекспир такого никогда не делал» (Shake-

spare Never Did This, 1979), у Буковски — «отпескоструенное лицо, бородавки на веках и доминирующий над прочей местностью нос, причем похоже, что лицо его собрано на автомобильной свалке из капотов от «Студебекеров» и бамперов от «Бьюиков»». Однако голос его звучал настолько тихо и весело-изумленно, что сложно было воспринимать всерьез, когда он говорил: «Мне не нравятся люди. Мне даже я сам не нравлюсь. Со мной, должно быть, что-то не так». Но с ним все было «так». Отец, перевезший его в Штаты, истово верил в твердую дисциплину и часто драл молодого Хэнка за малейшую провинность. Хэнк этого не забыл даже в стихах последних лет. Будучи ребенком некрупным, Чарли (Генрих Карл во младенчестве) не мог дать сдачи пацанам даже одного с собой возраста, а девчонки не ходили с ним из-за его плохой комплекции. Когда Хэнку исполнилось тринадцать, один его дворовый приятель позвал его в винный погреб отца, когда того не было дома, и впервые в жизни угостил спиртным. «Это было волшебно, — вспоминал Буковски много позже. — Почему мне раньше никто не сказал?»

Поступив в колледж в 1939-м, с началом войны Буковский оттуда вылетел и поехал в Нью-Йорк, чтобы стать писателем. На жизнь он зарабатывал расклейкой плакатов в метро, а куча конвертов с отказами из издательств и литературных журналов росла. Он немного поездил по стране, не прекращая писать, но в 1946-м что-то как будто надломилось в нем. Он решил, что писателем быть больше не хочет, и вместо этого запил на десять лет. Остальное — история. Один исследователь его творчества, Боб Грейлмен, заметил, что «если писатель должен брать пробы жизни на самом элементарном уровне, то Буковски, конечно же, тянет сразу на лауреата поэтической подготовки». Событийно, разумеется, проводить параллели меж-

ду явлением «молодого» (по нашим меркам), 35-летнего литературного дарования на лос-анджелесской культурной сцене и наступлением эры 60-х, когда поэты все еще здоровались за руку с Алленом Гинзбергом и его корешами, а юные активисты от поэзии дышали им в затылок, дергали за рукав и просили их представить. Но очевидно, что у Хэнка возникла собственная связь с обеими эпохами: он впитал и отразил как черноту и отчаяние 50-х, так и бунтарский вопль о свободе 60-х.

* * *

В начале 1960-х Буковски уже называли «героем подполья». Смешно сопоставлять, конечно, но примерно тогда же, на другом краю земного шара, в месте, о котором Бук наверняка ничего не слышал, — в Устывымлаге — пробовал писать свои «Записки надзирателя» молодой Сергей Довлатов, бескомпромиссный изгой другой великой страны. Даже странно иногда, насколько их письмо и отношение к литературе и языку похожи, насколько перекликаются некоторые факты биографий... Близкий к битникам мэтр сан-францисского «поэтического Ренессанса» Кеннет Рексрот одним из первых высоко оценил Буковски как «поэта отчуждения и писателя подлинной наполненности», а в 1966 году по итогам опроса новоорлеанского журнала «Аутсайдер» он стал «аутсайдером года». С тех пор литературный истеблишмент, который Бук неуклонно высмеивал, нежно, хотя и с некоторой опаской, прижимал его к своей обширной груди. Восторженную критическую биографию написал Хью Фокс, а во Франции его поэзию с энтузиазмом превозносили Сартр и Жене (хотя истины ради следует заметить, что их отзывы на первом французском издании «Заметок старого козла» могли оказаться рекламным ходом).